

УДК 821.161.1

А. Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

**От Подлиповки до Америки:
два предела действительности
в прозе Ф. М. Решетникова и В. Г. Короленко ***

Изучаются семантические пределы сюжета путешествия в прозе Ф. М. Решетникова и В. Г. Короленко и связанная с этим категория антропологической достоверности. Выбор героев – крестьян, картина мира которых значительным образом мифологизирована, – в обоих случаях определяет повествовательную специфику произведений. Наблюдаемый мир трансформируется, укладываясь в простые языковые рамки; все, что не находит вербального эквивалента, оказывается исключенным из сознания героя и следом – повествователя. Объединяющим фактором для двух произведений является эффект «завуалированного» травелога. Путь, пройденный подлиповцами, был знаком автору-разночинцу Ф. М. Решетникову; путешествие в Америку, осуществленное героями В. Г. Короленко, также основано на жизненном опыте писателя. Отказ от формы травелога в пользу фикционального жанра, безусловно, представляет интересное явление в контексте изучения семантических пределов сюжета путешествия.

Ключевые слова: русская литература, травелог, сюжет путешествия, В. Г. Короленко, Ф. М. Решетников.

Жанровая специфика травелога как произведения, направленного на раскрытие диалога между пространством и постигающим его сознанием, осложняется постоянным соприкосновением с иными художественными формами. Наличие автобиографических вставок, психологических пейзажей, метаописательных элементов – все это, являясь наследием разных художественных форм, показывает, что травелог – *a priori* синтетический жанр. Такой вывод позволяет привлекать для анализа различные тексты, удовлетворяющие двум минимальным условиям:

---

* Статья подготовлена в рамках реализации грата РГНФ «Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII – начала XX века» (грант № 15-04-00508, тип проекта «а»).

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; alexey-kozlof@rambler.ru)

наличие постигающего сознания и наличие постигаемой земли, постигаемого места¹. Метасюжетом травелога в этом случае можно считать претворение ландшафта в сознании человека.

Рассматриваемые в данной статье произведения: роман Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» и повесть В. Г. Короленко «Без языка», очевидно, удовлетворяя этим параметрам, обладают диффузной структурой. С одной стороны, это художественные тексты со специфическими формами времени и пространства. С другой стороны, тексты отражают авторский жизненный опыт освоения реальных ландшафтов. Этот жизненный опыт «доверен» действующим лицам, чей горизонт сознания не соотносим с возможностями авторского мышления.

Очевидно, что народная крестьянская жизнь представляла тайну для большинства писателей и очеркистов второй половины XIX в. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить разнополярные оценки крестьянства в романах И. С. Тургенева и его стихотворениях в прозе, споры о куфельном мужике-учителе, ставшие синонимом напряженных поисков истины, или сюжеты из простонародного быта, избранные Л. Н. Толстым. В этом отношении констатация Базарова: «Русский мужик – это тот самый таинственный незнакомец, о котором некогда так много толковала госпожа Ратклифф» [Тургенев, 1981, с. 147], – не только обретает юмористическое значение, но и обозначает один из многочисленных векторов социальной философии XIX в. Заметим, что тотальная неопределенность крестьянского мира делает невозможной построение какой-либо системы координат. Изображаемые в литературе путешествия крестьян, как правило, связаны с фольклорной или лубочной основой; с точки зрения литературы Нового времени они лишены конкретной цели и задачи. В сущности, проникновение в народное сознание оказывалось невозможным, тургеневский сфинкс по-прежнему не давал подсказок, поэтому в результате опыт народной жизни отражался (и искажался) преимущественно в устойчивых моделях, равно удаленных от действительности и эстетики. А. И. Журавлёва подчеркивает, что патриархальный и крестьянский мир не мог дать личностного героя, поэтому в большинстве своем очерки народной жизни представляли «крайнее сгущение социальности» [Журавлёва, 2013, с. 140]. Кажется справедливым называть эту социальность условной: так, по замечанию Е. В. Сажениной, «...при встрече с материалом крестьянской жизни эпическая форма обнаруживала надуманность положений, литературность, отвлеченность характеров, приглушенность личного начала» [Саженина, 2014, с. 42]. Как писал М. Е. Салтыков-Щедрин, «...в этом закрытом со всех сторон мире всё представлялось особенным, обусловленным всякого рода понятиями, обычаями, обрядами, стоящими в прямом противоречии с тем жизненным уровнем, который выработан цивилизацией; самая жизнь масс казалась построенною на совершенно иных основаниях, нежели жизнь цивилизованного меньшинства. Обреталась как бы особенная разновидность человека, сохранившая от человека только название, а во всем прочем, начиная от одежды до склада ума и чувств, нисколько на него не похожая» [Салтыков-Щедрин, 1970, с. 322].

Невзирая на подобную антропологическую недостоверность в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., формируется круг авторов-«сочувственников», куда входит и представитель народного реализма Ф. М. Решетников. Названный Н. В. Шелгуновым самым нехудожественным писателем² [Шелгунов, 1871], Решетников соз-

---

¹ Руководствуясь этим принципом, ранее мы анализировали провинциальный травелог как исключительно феномен художественной системы [Козлов, 2013].

² Н. В. Шелгунов показывал несостоятельность «стандартных критериев “дворянской” литературы» в их применении к творчеству Решетникова. Это созвучно рассуждениям Н. Г. Чернышевского, который в конце статьи «Не начало ли перемены» приводит анекдот: «– Душенька, о чем ты так расплакалась? – А, боже мой... – голос жены прерывается от рыданий. – Душенька, да что же такое, скажи ради бога? – Боже мой! какие несчаст-

дал один из прецедентных текстов 60-х гг. – этнографический очерк «Подлиповцы». Несмотря на определенную устоявшуюся традицию, связанную с наследием натуральной школы³, подзаголовок *этнографический очерк* представляет каламбур: Решетников пишет о крестьянах (коми-пермяках), но пишет о них как об особом, вненациональном этносе, точнее, в контексте художественных исканий Решетникова, недоэтнотосе. В завершение первой главы, посвященной общему нраву и быту подлиповцев, повествователь подчеркивает: «Зачем же подлиповцы живут тут? – спросит читатель. Подлиповцам не растолкуешь этого, они сами не знают, откуда они взялись» [Решетников, 1956б, т. 1, с. 6]. Таким образом, с первых страниц произведения задается не только телеологическая неопределенность жизненного пути недоэтнотоса Решетникова, но и самая невозможность пути обычного, в силу отсутствующих координат, по которым могли бы двигаться герои произведения. Описывая сюжет произведения, Н. В. Шелгунов приводит целый ряд последовательных отрицаний: «...у Решетникова все иное, все не так: не тот мир, не те люди, не тот язык. Не та жизнь, не те радости, даже не то горе и не те интересы. Точно путешествуешь в новой незнакомой части света, в какой-нибудь Океании» [Шелгунов, 1871, с. 1]. Продолжая эту мысль, Е. К. Созина подчеркивает: «Дело здесь, конечно, не в изображаемом Ф. Решетниковым топосе Северного Урала: свою “Океанию” он создавал даже в Петербурге» [Созина, 2009б, с. 45].

Подлиповцы Решетникова антропологически недостоверны⁴: кажется неслучайной концентрация в произведении зооморфных мотивов. В роман постоянно вторгается животный мир (медведи, собаки и проч.), в котором Пила и его компаньон Сысойко чувствуют себя более органично, нежели в мире, регламентированном общественными законами и правилами. Всякий раз, попадая в новое социальное окружение, подлиповцы занимают низшую ступень в иерархии. Так, в деревне крестьяне угрожают Пиле и Сысойке расправой, в городском кабаке их несколько раз пытаются прогнать, в «чижовке» – Пила, выливший на себя нечистоты, подвергается оскорблению и осмеянию, наконец, среди бурлаков именно Пила и Сысойка становятся отверженными.

При этом герои Решетникова практически лишены способности мыслить, т. е. постигать действительность через язык, поскольку вместо некоторого тезауруса они располагают устойчивым набором однозначных слов⁵. Вместо палитры раз-

---

ные... – и опять голос прерывается от рыданий. – Ангел мой! успокойся... что такое? – Несчастливые мужики, ах какие несчастные! Здесь написано, что они не пьют кофе!.. Нам представляется, что сострадательная дама читала одну из тех прекрасных повестей, в которых так интересно изображался простонародный быт» [Чернышевский, 1950, с. 875]. В то же время Чернышевский признавал, что очерки Н. В. Успенского и многих авторов-современников лишены необходимой художественности.

³ По замечанию А. И. Журавлёвой, «...писатели-этнографисты круга “Москвитянина” стремятся встать на позицию героев, как бы увидеть мир их глазами... Гораздо радикальнее в этом отношении оказались писатели-разночинцы, которых постепенно сплачивают вокруг “Современника” Некрасов и Чернышевский» [Журавлёва, 2013, с. 137]. См. далее: «На пути, к которому звал Чернышевский, был очерк, очерк и очерк» [Там же].

⁴ «Ветхие люди» Ф. М. Решетникова явно противопоставлены «новым людям» Н. Г. Чернышевского. Пила – крестьянин, вошедший в круг пролетариев, – может выполнять ту же функцию, что и Никитушка Ломов в романе «Что делать?». Рахметов – наиболее идеализированный и героизированный образ – воплощает в себе биографические стремления писателя; слабый и уязвимый Пила, также может представлять самоидентификацию Решетникова в литературе.

⁵ Здесь Решетников писал по лекалу, данному редакцией «Современника». Как безапелляционно утверждал Чернышевский, «...русскому мужику трудно связать в голове дельным образом две дельные мысли, он бесконечно ломает голову над пустяками, которые ясны, как дважды два – четыре; его ум слишком неповоротлив, рутина засела в его мысль так крепко, что не дает никуда двинуться» [Чернышевский, 1950, с. 873]. С этой

нообразных впечатлений – несложные, заключающие картину мира героя понятия: *баско* и *не баско*. Когда они видят новые города, сытно едят или любят на пароходы – *баско*, когда замерзают, им нечего есть или дальнейшая дорога не ясна – *не баско*. Такой предельный обнаженный дуализм при общей неповоротливости, даже неподвижности авторской идеи охватывает не только поле зрения героя, но и затрагивает видение автора.

Описывая «Подлиповцев», А. М. Скабичевский указывает на стилистические несообразности текста: «Читатели Современника с пожирающим интересом прочитали этот неуклюжий, тяжелый по форме рассказ, написанный *дубовым, топорным* языком (курсив наш. – А. К.), состоящим сплошь из коротеньких обрывистых фраз. Ужасом преисполнились сердца всех народолюбцев при виде поразительных картин нищеты подлиповцев, их упорной борьбы с голодной смертью и невыносимых страданий. Никто не воображал, что в недрах богоспаваемой России могли существовать дикари, подобно неграм Северо-Американских штатов, обращенные во вьючный скот» [Скабичевский, 1906, с. 244] ⁶.

Сам того не ожидая, Решетников со своей безграничной страстью к письму и описанию своим *дубовым топорным языком* создал один из возможных пределов художественной русской действительности – Подлиповку. Исходя из сюжета можно утверждать, что это особое герметичное пространство, которое, несмотря на наличие границ и фронтиров, не может быть преодолено внешним действием – движением и перемещением. Очевидно, что Пила, как и другие подлиповцы, несет Подлипную с собой; расставание с ней эквивалентно смерти. Казалось бы, это отменяет самую идею путешествия. Однако вопреки читательскому ожиданию повествователь два раза называет подлиповцев путешественниками, порою включая поверхностные, но тем не менее имеющие место описания дороги и странствия и проводя отчетливые и однозначные ветхозаветные параллели: «Все они шли до сборного места, то есть до завода, целых три недели, и шли, как некогда шли евреи по пустыне Аравийской, с тою только разницей, что были русские крестьяне, бежавшие от своих семейств» [Решетников, 1956б, т. 1, с. 75]. Решетников опровергает возможность обретения обетованной земли, уравнивая путь к счастью со смертью (впоследствии тот же ответ на вопрос «Где лучше?» даст жизненный путь Пелагеи Петровны). Ни в одном эпизоде романа не указан психологический мотив путешествия: оно осуществляется как бы вне воли героев, являясь залогом развития сюжета.

Пила и Сысойка движутся вместе с российском бурлачеством силой инстинкта, поэтому передвижение практически не изменяет изначально данной картины мира. Тем не менее новый опыт способствует «горизонтальному» расширению мировоззрения: «Подлиповцы узнали здесь больше, нежели они знали в деревне и в Чердыни: они узнали, что миру божьему нет конца, что деревни их дрянь, люди совсем другие, чем они, что им уж не быть такими, какие ходят в городе в бо-

---

формой спорил в своей публицистике Ф. М. Достоевский: «Тут не утешает нас даже и то соображение, представленное “Современником”, что массы везде глупы, слишком стадообразны и во Франции, в Англии и Германии, что рутина глубоко засела в их голову и что во всем они поступают большею частью машинально. Так зачем же и хлопотать о массах, если они глупы, действуют машинально и т. п. Жаль только, что в этом случае теории не доводят своих заключений до конца...» [Достоевский, 1993, с. 222].

⁶ Повторяя сказанное Чернышевским, А. М. Скабичевский утверждал: «Правда, герои Решетникова не имеют и тени тех высших умственных и нравственных потребностей, которые мы усваиваем в своем завидном развитии» [Скабичевский, 1904, с. 7]. Очевидно, что подлиповцы Решетникова представляют вариант авторефлексии: «Что же делать, если я необразован, неотесан, груб, невежа, грубиян, забияка! Но что же делать, если неправда у нас ввелась уже в форму, люди сделались гордыми, своенравными... <...> Остается только плакать, молиться о них не будет ни какой пользы...» [Решетников, 1956а, с. 55].

гатой одежде. Им хотелось еще побывать дальше и приискать себе такое место, где бы было хлеба много и можно бы было спать подольше» [Решетников, 1956б, т. 1, с. 118–119].

Знаменательно, что от начала и до конца произведения Подлиповцы «своей пермякской веры держатся», что создает не только эффект острого видения, но и определяет тотальное отстранение от происходящего. Путешествие до Перми не меняет устоявшегося мировоззрения:

– А как худо жить!.. Ходили мы, ходили с тобой, а што выходили? Смотри, лапти-то у нас куды гожи?.. А гунька-то, гунька-то!..

– Ну и жизнь!

– Походим ошшо; может, лучше будет.

– Кто ево знат. Ты считай, сколь бед-то.

– А поп баял, как помрешь, бает, на том свете лучше будет, – баско... Значит, и дом будет, и лошадь, и корова... [Решетников, 1956б, т. 1, с. 126]

Противоположность закрытому сознанию подлиповцев представляет взгляд детей Пилы – Ивана и Павла. Именно в пути обозначается раскол между старшими и младшими подлиповцами, которые, узнавая новое, внезапно приходят к умозаключению:

– Пашка! Они все свиньи, – говорил Иван.

– Все. Они робить не умеют.

– И тятка свинья!

– И Сысойко свинья... А мы свиньи?

– Мы-то?.. А пошто? [Там же, с. 86]

Наконец, они понимают: «Свиньи-то эво какие! А мы воно какие» [Там же]. Так, от инстинктивной борьбы за жизнь (Салтыков-Щедрин) происходит переход к путешествию, в основе которого познание мира и формирование качественно нового мировоззрения. Кажется неслучайным, что сыновья Пилы отстают от отца, зайдя в церковь. Именно церковь становится цивилизующим рубежом, отделяющим архаическое языческое сознание от остального мира. Потеряв Пилу, Иван и Павел перестают быть подлиповцами, так как новые знания практически нивелируют пределы, заданные в начальном этнографическом очерке.

Из-за несообразностей стиля и примитивности используемой палитры Решетников редуцировал крестьянскую действительность и приблизил ее (точнее, она оказалась приближена) к мифу. Форма романа, избранная Решетниковым, вступает в явное диалектическое противоречие с мифологической структурой, а сюжет путешествия редуцируется в ложном этнографизме⁷. Тем не менее уже в сознании современников Решетникова «Подлиповцы» становятся синонимом определенного типа словесности. «Наши известные столичные беллетристы... могли бы приобрести достаточный запас наблюдений и бесхитростно описать виденное и слышанное, как, например, Глеб Успенский, если бы не замуравили себя в *ограниченном* мирке столичной жизни (курсив наш. – А. К.)... Ведь узкий их столичный мирок – жалкая деревушка решетниковских подлиповцев, которые наивно думали, что Подлиповка – всё, что за Подлиповкой – конец света» [Огнев, 1893, с. 156] – именно так писал один из столичных рецензентов, заканчивая обзор сто-

---

⁷ На это указывает Е. К. Созина: «Но если для жанра очерка этнографический элемент был органичен и не вызывал особого сопротивления, то в структуру собственно художественных жанров, а уж тем более романа он вносил подчас ощутимый диссонанс» [Созина, 2009а, с. 285].

личной печати конца XIX в. Опыт «Подлиповцев» был продолжен романом «Где лучше?», в котором повторяется общая логика «путешествие – путь к смерти», однако несоотнесенность сознаний героя и повествователя лишает это произведение специфики, заданной первым произведением Решетникова.

Отметим, что именно в «Подлиповцах» Решетникову удалось создать универсальную фабульную схему, построенную на путешествии крестьянина в поисках лучшей жизни / счастья. Важным условием такого путешествия является «безъязыкость», не остраненность действительности, а тотальная отстраненность искателя счастья от наблюдаемой жизни, столкновение разных мировоззрений, ведущее к маргинализации героя, его унижению, духовной и физической смерти. Предположительно, именно эта фабула могла быть взята за основу в повести В. Г. Короленко «Без языка».

Известно несколько отзывов В. Г. Короленко о творчестве Ф. М. Решетникова и его «Подлиповцах». Обращаясь к бытовому опыту, писатель неоднократно уподоблял якутов и удмуртов подлиповцам, указывая на их незащитность и необразованность⁸. По воспоминанию современников, «Подлиповцы» Решетникова обсуждались В. Г. Короленко и Л. Н. Толстым, при этом Короленко, в противоположность своему собеседнику, отстаивал необходимость подобной литературы и прямо указывал на талант Решетникова⁹. В то же время возможности писателя, к тому времени члена Императорской академии наук, побывавшего и в экзотических землях в качестве политкаторжанина, и в Америке в качестве туриста, не соотносимы с сознанием бедного уральского разночинца.

Повесть «Без языка» отражает социальные процессы конца века: сюжетобразующими здесь становятся впечатления Короленко от его американской поездки. Однако в своих очерках, посвященный пребыванию в Соединенных Штатах, Короленко не затрагивает ряд проблем, отраженных в повести. Чтобы артикулировать эти проблемы, понадобилась форма художественного произведения, совмещающего в себе этнографический и путевой очерк, и носитель примитивного сознания, связанный с поэтикой Ф. М. Решетникова¹⁰.

Носителями «иног» сознания становятся выходцы из Волынской губернии, жители местечка Хлебно¹¹. В отличие от язычников-вотяков герои Короленко являются носителями православной веры (*у него была старая дедовская библия*), а об их связи с крестьянством говорят только фамилии – Матвей Дышло, Осип Оглобля и Иван Дыма. Герои Короленко живут *ни мужиками, ни крестьянами*; очевидно, что это уже не *вьючный скот*, а носители определенного, хоть и укоренного в народных представлениях сознания.

С первых страниц произведения Короленко показывает действие глобальных и языковых процессов, которые меняют привычные координаты героев и опреде-

---

⁸ По замечанию Л. М. Лотман, «Сон Макара» представляет вариант художественной рефлексии на тему произведений Решетникова [Лотман, 1974].

⁹ Толстой, наоборот, считал произведение надуманным и подчеркивал, что не смог прочитать его до конца [Лотман, 1987].

¹⁰ Объясняя такой прием, Короленко писал: «Мое знакомство с Америкой кратковременно и недостаточно. Поэтому я предпочел в центре поставить фигуру своего земляка» (цит по: [Головенченко, 1963, с. 769]). Этот прием тонко чувствовал Н. Г. Гарин-Михайловский: «Вот как у Короленко: он пишет теперь “Без языка”... там только польские крестьянки и крестьяне думают и говорят по-своему, и им нет никакого дела до того, как подумают об этом... Так и вы, возьмите человека, который ниже вас в умственном развитии, и пишите так, чтобы и не догадались, что это вы – образованный автор – пишете... Попробуйте так написать что-нибудь... Я думаю, тогда лучше пойдет дело...» [Гарин-Михайловский, 1967].

¹¹ Уже на уровне топонимики задается иной художественный код хлебного и избыльного края (вместо Подлиповной, жители которой питаются корой деревьев).

ляют направление их дальнейшего пути. Приход письма от Матвея Лозинского-Оглобли (изменившегося до *Losinsky-Oglobla*, некорректного в фонетическом смысле) становится сюжетообразующим событием. Уже здесь показана определяющая их путешествие сила.

– Да где же тебе, Матвей, – говорили приятели, – в такую даль забираться? Ты глуп, а Иван слаб. Да вас там в Америке гуси затопчут. <...>

– Будет, что Бог даст [Короленко, 1954, с. 13].

По прибытии в Новый свет, лозищане Короленко попадают в ту же ситуацию, что и подлиповцы Решетникова, становясь беспомощными и уязвимыми. Незнание социальных норм и правил Нового света в скором времени делает их героями местных фельетонов и анекдотов. Два приятеля оказываются в мире метаморфоз и превращений, при этом здравый смысл народной жизни, как, в сущности, и смысл Старого света отменяется новой общественной моралью. Красноречивым свидетельством онтологических изменений становится встреча с семьей мистера Борка (*Жида Берко*¹²), которая исходя из новых экономических принципов перестает чтить субботу, отказываясь от многих испокон веков соблюдаемых ритуалов.

Нарушение вековых традиций и религиозных догматов актуализирует эсхатологическую семантику: «Глупые люди, бедные, тёмные люди. Нет такой деревни на свете, и нет таких мужиков, и господ таких нету... <...> И нет уже тебя, Матвея Оглобли, и нет твоего приятеля Дымы, и нету Анны!.. Прежний Матвей уже умер, и умер Дыма, и умерла ваша прежняя вера, и сердце у вас станет другое, и иная душа, и чужая молитва...» [Там же, с. 50], – слышит Матвей Дышло, отказавшийся, в противоположность своему компаньону, прислушиваться к языку инородной ему культуры. Ожидая неминуемой кары и глядя на половину огромного недостроенного дома, *напоминавшего вавилонскую башню*, Матвей замыкается в себе, его единственным собеседником становится «Бытие»: «Он стал читать, шевеля губами, о том, как двое молодых людей пришли в Содом к Лоту и как жители города захотели взять их к себе. Потом он поднял голову и начал думать. Он думал о том, что вот они с Дымой как раз такие молодые люди в этом городе. Только у Дымы сразу стал портиться характер, и он сам пошел к жителям города...» [Там же, с. 60].

Обращение Короленко к Ветхому завету демонстрирует неожиданную инверсию: именно Новый свет становится синонимом ветхозаветного мира, в то время как Старый свет, ассоциируемый с благочестивой традицией, несет значение утраченного новозаветного мира, близкого к совершенству и идеалу. Буквализация ветхозаветной метафоры, данной в заглавии, также способствует утверждению этой семантики. Таким образом, в отличие от дикарей Решетникова, герои Короленко, созданные с большей художественной и антропологической достоверностью, безъязыки не из-за неумения мыслить и облекать свои мысли в слова,

---

¹² Метаморфозы затрагивают всех персонажей сюжета: «...а, впрочем, ваша правда, ясновельможный мистер Борк! В этой проклятой стороне все мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни хлопа, ни барина... Вот и эти (она указала на лозищан) снимут завтра свои свитки, забудут бога и тоже потребуют, чтобы их звать господами...» [Короленко, 1954, с. 65]. Ср. с аналогичным описанием в романе Решетникова «Где лучше»: «Магометане заговорили между собою. Одни говорили, что водку пить грешно, другие говорили, что они живут в таком месте, где водку пить можно: коли русским кобылу есть можно, и нам водку пить можно» [Решетников, 1956б, т. 2, с. 388].

а из-за общего свойства проклятого ветхозаветного мира, обреченного на столпотворение¹³.

В ходе развития действия жесткая система заданных оппозиций начинает корректироваться. Во многом это связано с общественно-политическими исканиями писателя: так, Матвей обретает чувство тождества и единства, присутствуя на митинге рабочих и впоследствии находя единомышленников-пролетариев. Дальнейшее бегство героя из мира железной цивилизации в мир американских пригородов и ферм заставляет его переосмыслить обретенный опыт: «Теперь он чувствовал, что и ему нашлось бы место в этой жизни, если бы он не отвернулся сразу от этой страны, от ее людей, от ее города, если бы он оказал более внимания к ее языку и обычаю, если бы он не осудил в ней сразу, заодно, и дурное и хорошее...» [Короленко, 1954, с. 116].

Таким образом, эсхатологический фон, созданный в произведении посредством устойчивых символов, объясняется наличием фильтрующей мембраны – Ветхого завета, читая который главный герой обращается к воображаемому миру. Открытие Америки, которое происходит в развязке повести, подразумевает неизбежный отказ от полученного ранее знания и обретение нового тождества. Чтобы стать гражданином Америки, войти в ряды космополитов, герой не только отказывается от своего лозинско-подлипного прошлого; он должен закрыть Библию и обратиться к постижению нового мира. Растворение в цивилизации и отказ от традиции – именно этот предел путешествия маркирует повесть В. Г. Короленко «Без языка».

Возвращаясь к сравнению подлиповцев и лозищан, отметим несколько ситуаций, имеющих лиминальный характер. Так, в контексте литературы путешествий чрезвычайно важным становится описание перемещения героев по воде: реке, морю и океану. В «Подлиповцах» именно путь по Каме демонстрирует бурлакам силу рока, предвосхищая развязку произведения:

И хорошо как плывут барки! Люди сидят измученные и что-то думают, вероятно, о трудной работе, какой они еще не дельвали, и весело им кажется: барка плывет, лес и камни мелькают. <...> А барку несет боком; леса, поля, деревни, люди – все и все куда-то несет. Эх ты, жизнь, жизнь горе-горькая! Только одно солнышко стоит на одном месте, ласково так смотрит на мир божий... [Решетников, 1956б, т. 1, с. 98]¹⁴.

Подобную функцию в повести В. Г. Короленко выполняет море:

И казалось Матвею, что все это живое: и ход корабля, и жалобный гул, и грохот волны, и движение океана, и таинственное молчание неба. Он глядел в глубину, и ему казалось, что на него тоже кто-то глядит оттуда. Кто-то неизвестный, кто-то удивленный, кто-то испуганный и недовольный... От века веков море идет своим ходом, от века встают и падают волны, от века поет море свою собствен-

---

¹³ Судя по очеркам «Драка в доме», «Фабрика смерти», «В борьбе с дьяволом», Короленко воспринимал Америку в эсхатологическом ракурсе. Квинтэссенцию ветхозаветных мотивов составляют рассуждения Матвея и его видения («Дети детей уже забудут родной язык...» [Короленко, 1956, с. 165]). О комплексе мотивов как концептосфере см.: [Лыткина, 2011].

¹⁴ Ср. с: «...когда я простился с друзьями и когда пароход стал отплывать от берега, мне стало крепко грустно... От меня удаляется и милый город, удалялась милая река, которую я любил с детства, с ее бурлаками... Я любил на ней плавать, и когда рыбачил в детстве, подолгу задумывался над природой; мне чего-то хотелось, куда-то меня тянуло... На ней я провел горькую пору моей жизни, на ней узнал себя, сличая людей <...> Я был тут в то время, но я рвался быть лучше...» [Решетников, 1956а, с. 68].

ную песню, непонятную человеческому уху, и от века в глубине идет своя собственная жизнь, которой мы не знаем. И вот, теперь в эту вековечную гармонию, в это живое движение вмешался дерзкий и правильный ход корабля... И песня моря дрогнула и изменилась, и волны разрезаны и сбиты, и кто-то в глубине со страхом прислушивается к этому ходу непонятного чудовища из другого, непонятного мира¹⁵. Конечно, Лозинский не мог бы рассказать все это такими словами, но он чувствовал испуг перед тайной морской глубины [Короленко, 1954, с. 19].

Пересечение океана, имеющего мифопоэтическую и авантюрную семантику, также актуализирует эсхатологический потенциал сюжета. На протяжении текста автор неоднократно возвращает читателя к этому межевому, рубежному моменту – в снах и видениях героя.

Заметим, что путешествие подлиповцев, не имеющее цели и только формально связанное с идеей счастья, завершается смертью героев. Финал повести Короленко демонстрирует внешнее благополучие, однако обретение Америки неминуемо связано с утратой идентичности, потерей национальной самостийности, что явным образом представляет вариант духовной гибели¹⁶.

Кажется важным сам механизм творческого взаимодействия: беря за основу фабулу «Подлиповцев» с их гипертрофированным мифологизмом, Короленко выстраивает сюжет, построенный на внутренней мифопоэтике. Иными словами, повесть Короленко представляет «Подлиповцев» в ином масштабе и качестве: писатель задействует материал, лишь обозначенный Решетниковым, постоянно меняя акценты и внешние индексы, в результате чего незамысловатая история о поисках счастья разрастается до метафоры глобального исторического выбора. Благодаря этому Короленко удается изменить традиционный сюжет о путешествии в Америку: его герои не туристы и негроцианты, они входят в это пространство, чтобы раствориться, остаться в нем навсегда.

Кроме того, рассмотренные сюжеты могут иметь исключительно литературное измерение. Подлиповка Решетникова представляет своеобразную рефлексию (скорее, бессознательную, как и быт подлиповцев) на тему письма и творчества. Опыт переложения поэтических мотивов Некрасова на язык современной прозы, олицетворил целое направление писателей-дилетантов (П. В. Засодимский, Н. В. Успенский, Н. В. Златовратский и пр.). При этом описания бедного быта подлиповцев созвучны страданиям писателя-народника: Решетников как бы вуалирует свой собственный опыт за условными литературными типами, находя еще более несчастных и бессловесных героев. Стремление героев Короленко к Новому свету – история обретения новой идентичности в литературе, что можно интерпретировать в контексте изменения самоидентификации и поиске иного – общемирового места – в истории литературы. Подобно Решетникову, Короленко решил отойти от прямого автобиографизма к литературной аллегории, доверив свой опыт «земляку», выходцу из простого народа¹⁷.

---

¹⁵ Ср.: «Дьявол был громаден, как утес, но еще громаднее его был корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем. Вьюга билась в его снасти и широкогорлые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен» [Бунин, 1970, с. 318]. Общим в «Господине из Сан-Франциско» и повести Короленко становится и мотив смерти на пароходе.

¹⁶ См. об идеологическом модусе и семантике сюжета путешествия в Америку в документальной литературе и беллетристике: [Русский травелог, 2015].

¹⁷ По этому же пути идет представитель советской детской литературы Н. Носов, показывая несостоятельность американских капиталистических ценностей в заключительном романе трилогии «Приключения Незнайки».

Таким образом, кажется правомерным утверждать, что Подлиповка и Америка представляют два предела социальной, литературной и рефлексивной действительности, а два рассмотренных произведения, не будучи травелогами в строгом смысле этого слова, обозначают лиминальный опыт освоения внешнего мира.

Список литературы

- Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско // Бунин И. А. Избр. М.: Худож. лит., 1970.
- Гарин-Михайловский Н. Г. Не от мира сего. С натуры // Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., ГИХЛ, 1967. Т. 3.
- Головенченко Ф. М. В. Г. Короленко // История русской литературы XIX века. М.: ГУП ИМП РСФСР, 1963.
- Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого) // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1993. Т. 11.
- Журавлёва А. И. Проблема народа и художественные искания русской литературы 1850-х – 1860-х годов // Журавлёва А. И. Кое-что из былого и дум. О русской литературе XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.
- Козлов А. Е. Жанровые особенности провинциального травелога // Литература путешествий. Новосибирск: Немо Пресс, 2013.
- Короленко В. Г. Без языка // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 4.
- Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974.
- Лотман Л. М. В. Г. Короленко у Л. Н. Толстого. (Разговор о Ф. М. Решетникове) // Исследования по древней и новой литературе: Сб. ст. к 80-летию акад. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1987.
- Лыткина О. И. Концептосоставляющие «Америки» в рассказе В. Г. Короленко «Без языка» // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6(2).
- Ознев В. Столичная печать // Колосья. 1893. № 10.
- Решетников Ф. М. Из дневника // Решетников Ф. М. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1956а.
- Решетников Ф. М. Собр. соч.: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1956б.
- Русский травелог XVIII–XX веков: Коллективная моногр. / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015.
- Саженина Е. В. Динамические аспекты сюжета в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2014.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Где лучше? Роман в двух частях Ф. Решетникова // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977. Т. 9. М., 1970.
- Скабичевский А. М. Несколько слов о жизни и сочинениях Ф. М. Решетникова // Решетников Ф. М. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1904. Т. 1.
- Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. СПб., 1906.
- Созина Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник / Ин-т истории и археологии УРО РАН. 2009а. № 1(22).
- Созина Е. К. Специфика жанрового мышления Ф. М. Решетникова // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций. Екатеринбург, 2009б. Т. 1.
- Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Собр. соч.: В 30 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7.

Чернышевский Н. Г. Не начало ли перемены? (Рассказы Н. В. Успенского. Две части) // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат: Худож. лит., 1939–1953. Т. 7. М., 1950.

Шелгунов Н. В. Народный реализм в литературе // Дело. 1871. № 5.

A. E. Kozlov

**From Podlipovka to America:
two limits of reality in the prose by F. M. Reshetnikov and V. G. Korolenko**

The paper investigates the semantic border and limits of the travelogue story in the prose of F. M. Reshetnikov and V. G. Korolenko. Also investigated is the category of anthropological authenticity. The selection of characters of peasants, whose picture of the world is significantly mythologized, determines in both cases the narrative specificity of their works. The world observed by the character is transformed into simple framework. Whatever does not find any verbal equivalent, is excluded from the consciousness of the character, and next, of the narrator.

The factor uniting the two works is the effect of a «veiled» travelogue. In general, effect «hidden» travelogue connects two investigated texts. The path traversed by Podlipovians was known to the author Reshetnikov; the travel to America realized by V. Korolenko's characters, is also based on the writer's life experience. The break with the travelogue form in favour of fictional genre is undeniably an interesting phenomenon in the context of the research into the semantic limits of the travelogue plot.

Keywords: Russian literature, travelogue, travelogue plot, V. G. Korolenko, F. M. Reshetnikov.